

— **Ив Пьяже** и его Piaget Altiplano Skeleton 38 mm, проданные за €42 тыс.

— Часы Hublot Red'n'Black Skeleton Tourbillon ушли за €100 тыс.

— Zenith Stratos Only Watch: €45 тыс.

— **Люк Петавино**, директор Monaco Yach Show и основатель Only Watch

— **Эван Циммерман**, президент аукционного дома Antiquorum, верного партнера Only Watch

история only watch — это история родительской любви

Русские не идут

Князь немного задерживался, торги начали минут на 15 позже ожидаемого. 240 мест в зале были заполнены до отказа. Надо бы написать «народ висел на люстрах», которые в зале Belle Epoque выглядят на редкость торжественно, но аукцион шел чинно, не считая тех моментов, когда яростный покупатель в азарте вскакивал, потрясая номером, который он получил при входе вместо регистрации.

Аукционист вел продажу в хорошем темпе и, не увлекаясь шутками с залом, держал его в напряжении, вовремя вынимая из рукава заочно поданные предложения.

«Даю 45!» — отважно говорил какой-нибудь господин в третьем ряду справа. «Сожалею, но у меня уже есть 45, — парировал аукционист. — Давайте 46 и будем торговаться». Несколько раз он выпрашивал у зала повышение или ускорял шаг торгов с полтысячи до тысячи-двух, но делал это без нажима, почти незаметно, успевая следить за телефонными звонками и ценами, назначаемыми онлайн со всех концов света.

Я спрашивал перед торгами у Эвана Циммерманна, президента аукционного дома Antiquorum (который с 2005 года — постоянный партнер Only Watch), есть ли какой-нибудь готовый план по результатам. Он сказал: «Конечно же, нет, мы всегда надеемся на лучшее, но никогда не даем прогнозов. Нам остается только скрестить пальцы, зал полон, но мы не знаем, как будет реагировать публика. Это всегда вопрос, и от этого все будет зависеть».

Циммерманн не говорит по-французски и поэтому сегодня довольствовался ролью зрителя и из-за голов телефонных барышень смотрел на табло, где отображались цены в шести основных часовых валютах: доллары США, швейцарские франки, гонконгские доллары, китайские юани, японские иены и британские фунты. Рублей не было. Не было за столом и блондинки, которая на прошлых торгах отвечала за русский язык и покупателей из бывшего СССР.

Гонка за лидером

Главный рекорд продаж установил, как и два года назад, Patek Philippe. Глава марки Тьерри Стерн не зря предупреждал нас во время интервью в Базеле, что не намерен упускать лидерство, и не позволит никакой марке опередить его в благотворительности. Он рассчитывал миллиона на два не меньше.

Женевские часовщики выставили на торги хронограф с 30-минутным счетчиком Patek Philippe Ref.5004 Titanium. Кроме хронографа в этих часах установлен вечный календарь с указателем лунных фаз. Все это богатство было уложено в маленький корпус из титана 36,7 мм. Patek Philippe не любит следовать моде и не гонится за большими диаметрами. К тому же именно такие часы более популярны в Азии с ее маленькими запястьями.

Эстимейт был €400–600 тыс., но все понимали, что этими цифрами ограничиваться незачем, поэтому аукционист сразу начал с €707 тыс. Почему 707, а не 700 или 777, непонятно, но вскоре торг поднялся до €1007 тыс. и рванул вверх, прерываемый заявками из зала и звонками телефонов. Цена росла как минимум на €50 тыс., чаще на €100 тыс. Когда она дошла до €2300 тыс. аукционист заметил, что «никогда еще столько не платили за часы с титановым корпусом», а до €2700 тыс. простонал: «Вот так пишется история часового искусства!» История меж тем писалась нервно, очень быстро, ставки не успевали друг за другом. Зал следил за тем как перешли за миллион, как перевалили за два, и в напряжении ждал, доберутся ли до трех. До трех не добрались, но совсем немного, тем не менее результат €2950 тыс. сенсационен. Самые дорогие часы, когда-либо купленные на Only Watch.

Это вполне укладывается в тенденцию аукционных рекордов марки, недавно достигших на Sotheby's €2216 тыс. Эту цену заплатили за золотой Patek Philippe с минутным репетиром из коллекции Генри Грейвза-младшего. Но нынешние титановые часы оказались дороже золота. И ушли они в Китай. Глава марки Тьерри Стерн, приехавший в Монако, должно быть, получил немалое удовольствие от того, что вклад его оказался столь весомым.